

УДК 94

ДЕФИЦИТ КОРМОВЫХ РЕСУРСОВ В ТРАДИЦИОННОМ РОССИЙСКОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ (XVIII ВЕК)

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич,доктор культурологии, профессор кафедры философии,
экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Основной проблемой крестьянского животноводства в России XVIII века являлась нехватка кормов, в первую очередь – зерна и сена, из-за чего широко использовалась солома, зерновые отходы и различные суррогаты. Дефицит кормов ограничивал поголовье скота, поэтому земля получала недостаточно удобрений, быстро теряла естественное плодородие и забрасывалась, тогда как пастбища и луга распахивались, что в свою очередь вело к дефициту кормов. Это был замкнутый круг, из которого не мог вырваться русский крестьянин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: скот, корм, рацион, зерно, сено, солома.

SHIPILOV A.V.,Dr. Culturology, Professor of the Department of Philosophy,
Economics, Social and Humanitarian Disciplines,
Voronezh State Pedagogical University

SHORTAGE OF FORAGE RESOURCES IN TRADITIONAL RUSSIAN STOCK RAISING (XVIII CENTURY)

ABSTRACT. The main problem of peasant livestock in the XVIII century Russia was the shortage of forage, first of all, grain and hay. Due to this, straw, bran and various surrogates were widely used. The shortage of forage resources resulted in limited livestock numbers, so the soil was not well fertilized. It rapidly lost its natural fertility and finally was abandoned. Pastures and meadows, on the contrary, were plowed, which led to fodder shortage, which was a vicious circle for the Russian peasant.

KEY WORDS: livestock, forage, ration, grain, hay, straw.

Главной проблемой животноводства в России XVIII века являлась проблема кормов. Применяемые в сельском хозяйстве корма принято делить на корма растительного и животного происхождения. Последние мы можем сразу исключить – дело не только в том, что они отсутствовали в рассматриваемый период (это отходы производства молокозаводов, мясокомбинатов, рыбоперерабатывающих предприятий – ничего подобного в то время, естественно, не было), но и в их вторичном, производном характере: чтобы получить пищевые отходы от переработки молока и мяса, сначала надо иметь эти молоко и мясо, т.е. исходным здесь является не корм, а уже выкормленный скот. Растительные корма делятся на грубые, которые содержат более 20% клетчатки и 15–20% воды (сено, солома, мякина и пр.); сочные, содержащие 70–90% воды (трава, корнеклубнеплоды, силос); концентрированные, которые содержат 80–90% сухого вещества – в основном крахмала, протеина и жира (соответственно, зерна злаковых, семена бобовых и семена масличных растений). Отдельную группу составляют отходы перерабатывающей и пищевой промышленности – мукомольной, масложитной, пивоварения, винокурения и т.д. Этот вид кормов мы также можем исключить – лишь в крупнейших владельческих хозяйствах количество этих отходов было таково, что отруби, пивная дробина или барда могли играть сколько-нибудь заметную роль в кор-

мовых рационах. Таким образом, в животноводстве использовались в основном грубые корма (все виды), сочные (только трава: кормовой свеклы еще не было, картофель и турнепс сажали только в Европе, брюкву и морковь крестьянин ел сам; силоса тогда не делали) и концентрированные (все виды, но в минимальном количестве)[1, с. 31–75].

В течение всего летнего периода скот находился практически исключительно на подножном корму: сочных кормов у крестьянина не было, так как он их не выращивал (и вообще не выращивал каких-либо культур исключительно на корм скоту – на это не было ни времени, ни средств), зерном кормить животных он также не мог, ибо хлеба часто не хватало ему самому, кормовые травы (клевер, люцерну, другие бобовые) еще не сеяли не только в крестьянских, но и во владельческих хозяйствах, поэтому на дворе скот не кормили, а отправляли животных пастись. Однако постоянных пастбищ с развитием трехпольной системы оставалось все меньше – раньше пастбищем служили земли, запускаемые в залежь или перелог, теперь же залежи распахиваются и почти весь находящийся в пользовании земельный массив делится на яровую, озимый и паровой клин. При нехватке пастбищ («поскотин») в ход идут пожни, т.е. сенокосные угодья (поскотины отгораживались от полей и сенокосов; скот пускали на пожни только ранней весной, после чего луга закрывали – «заказывали»), и пары, куда

также выгоняли скот. Но, как бы то ни было, летом с кормами больших проблем не возникало: нередко скот оставался на пастбище все лето, круглые сутки находясь под открытым небом без присмотра пастуха. В пойме Двины, на островах, так пасли крупный рогатый скот, в Тамбовской губернии подобным же образом на все лето в лес выгоняли свиней; в Сибири, да и в центре страны поскотина, как правило, представляла собой огороженное пространство вокруг деревни радиусом в одну-две версты, внутри которого свободно пасся скот. С начала мая до начала октября, а в Черноземье – и до конца октября, животные сами находили себе корм, однако затем наступали осень и зима, и скот надо было кормить (причем в зимние морозы рацион необходимо увеличивать), период же стойлового содержания на большей части страны длился 6–7 месяцев в году [2, с. 130; 3, с. 92–93; 4, с. 57–58].

В течение этих 200 (в среднем) дней скот получал в основном грубые и в значительно меньшей степени концентрированные корма. Наиболее питательным из всех видов грубых кормов было сено. По принятым в XVIII веке нормам (расчеты И.П. Елагина, 1766 г.), кормовой рацион рабочей лошади должен был состоять из 30 фунтов (12 кг) сена в сутки, коровы – из 20 фунтов (8 кг), овцы – 10 фунтов (4 кг) [5, с. 228]. Современные рационы существенно выше: для молочной коровы – это 8,5 кг сена + 4,6 кг концентратов (однако зерна коровы в XVIII в. практически не получали), для рабочей лошади – 20 кг сена + 4,5 кг овса (о ситуации с овсом см. ниже), однако скот был тогда более мелким. Современные рационы рассчитываются, исходя из минимального живого веса коровы в 300 кг, а лошади – 400 кг, животные же рассматриваемого периода были примерно в полтора раза мельче, причем не только в России. Так, в английском г. Смитфилде в 1710 г. средняя масса продаваемого крупного рогатого скота равнялась 167 кг, овцы – 12 кг. В другом источнике находим указание на то, что до конца XVII в. средний убойный вес быка (без кожи, головы и потрохов) в Англии не превышал 400 фунтов, т.е. 180,5 кг, баран весил менее 40 фунтов, т.е. 18,1 кг, а свиньи были такими, что давали всего 5 фунтов сала [6, с. 106; 7, с. 53–58, 395]. Интересно, что еще в 20-е гг. XX в. средний вес сельскохозяйственных животных, фигурировавший в литературе, был существенно ниже цифр, приводимых уже в справочниках 50–60-х гг. (в последних речь идет уже о современном промышленном животноводстве, а в более ранней литературе – о скоте индивидуальных крестьянских хозяйств). Так, средний вес взрослой лошади определялся в 1927 г. в 320–400 кг, а в 1959 г. – в 500 кг; для коровы эти цифры выглядят как, соответственно, 240–320 и 400–600 кг, для овцы – 32 и 40–80 кг, свиньи – 52 и 80–100 кг. Соответственно, можно признать, что елагинские нормы были для своего времени реальными [8, с. 51; 9, с. 29, 68, 98, 125]. В XVII в. считалось, что годовая потребность в сене рабочей лошади, т.е. затраты на ее содержание в 200-дневный стойловый период, равна 20 копнам (6-пудовым), т.е. 120 пудам, конского молодняка – 10 копнам, т.е. 60 пудам; коровы – 16 (96 пуд.); теленка – 8 (48 пуд.) [10, с. 66]. Получается 9,6 кг, или 24 фунта, сена в день на лошадь и 7,68 кг, или 19,2 фунта, в день на корову – почти полное совпадение с елагинскими нормативными рационами.

Вместе с тем эти нормы были достаточно условными. С одной стороны, холмогорский скот кормили, исходя из нормы 1 пуд сена в сутки на голову, соответственно, хорошая лошадь должна была бы получать на одну треть больше, т.е. 53–54 фунта, однако на практике, как, впрочем, и в теории, наблюдалось прямо противоположное. В помещичьих инструкциях середины XVIII века («Учреждение» П.А. Румянцева, 1751 г.; «Инструкция о домашних порядках» Т. Текутьева 1755–1757 гг.) нормы кормления были значительно более низкими: на рабочую лошадь полагалось лишь полпуда сена (20 фунтов или 8 кг), а нерабочая получала вдвое меньше – 10 фунтов. Даже на дворцовых конных заводах на лошадь в месяц полагалось 18,5 пудов сена, т.е. 24,6 фунта в день, а это были племенные животные, находившиеся на самом лучшем по тем временам содержании. На практике же рационы были, как правило, еще более скромными: на тех же дворцовых конных заводах племенные жеребцы получали по полпуда сена в сутки только в урожайные годы, а в случае неурожая – лишь по 15 фунтов. Те же 15 фунтов (6 кг) сена на лошадь шло в крестьянском хозяйстве даже в урожайные годы (в случае неурожая – еще меньше), корова же получала 2,4–2,8 кг, т.е. 6–7 фунтов сена в сутки. Это были действительно традиционные нормы, сохранявшиеся крестьянским хозяйством со старомосковских времен. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1592 г. лошади получали по 6,3 кг сена в сутки, коровы – 2,8 кг, овцы – 3,4 кг (овца получала сена больше, чем корова), а в 1594 г. рацион был урезан почти в два раза – разные категории рабочих лошадей получали от 3,4 до 4,5 кг сена в сутки, корова – 1,2 кг, овца – 1,7 кг. При этом урожай сена был примерно одинаковым и в 1592, и в 1594 гг., оно расходовалось на разнообразные нужды, а часть сена даже продавалась: скудость кормовых рационов была закреплена традицией, которая подчиняла себе практику. В том же XVI в. нормой для крестьянских хозяйств на всей территории страны было запасание на зиму 30 пятипудовых копен сена, т.е. 150 пудов, в среднем же крестьянском хозяйстве имелись 1–2 лошади, 2 коровы, 2–3 овцы, так что крестьянин, имея на 200-дневный стойловый период по 12 фунтов сена в день, наделял им своих животных в поистине микроскопических дозах (по елагинским нормам XVIII в., весьма и весьма жестким, сена требовалось на порядок больше) [5, с. 228–237; 11, с. 125; 12, с. 282].

Столь урезанные сенные рационы были следствием или, скорее, коррелятом довольно неблагоприятного положения с сенокосными угодьями и с сенокосом как таковым (речь идет действительно о корреляции, а не односторонней детерминации: как мы знаем, сена скоту давали мало не только тогда, когда его не хватало, но и в тех случаях, когда его было вполне достаточно). Исходя из елагинских норм, содержание скота в среднем крестьянском хозяйстве (2 лошади, 2 коровы, 2 овцы – цифры минимальные) на 200-дневный стойловый период требовало 600 пудов сена. Чтобы узнать, какая площадь покоса была необходима для того, чтобы запастись такое количество сена на зиму, необходимо знать, каков был укос, т.е. сколько сена могла дать десятина сенокосных угодий. О качестве сена мы не говорим, хотя содержание питательных веществ в крупнотравном и мелкотравном сене лугов, влажных (заливных) лугов, суходолов, степных, лесных,

солончаковых и болотных сенокосов сильно различается. Заливные луга давали в среднем от 100 до 300 пудов (и даже больше) сена на десятину, полевые – от 50 (и даже от 20) до 150 пудов, болотные – 40–80 пудов, лесные – 25–50 пудов сена. Разброс цифр в зависимости от качества сенокосных угодий, конкретного района и т.д. был чрезвычайно большим даже в одном регионе. Так, в Серпуховском уезде Московской губернии в некоторых местах по берегам рек укос достигал 400 пудов, а в Галицкой провинции соседней Тверской губернии был всего 15 пудов. Средние цифры колебались где-то между 50 и 100 пудами с десятины. В Соборном уложении десятина покоса оценивалась в 10 алтын, а копна – в 1 алтын, т.е. нормой укоса считалось 10 копен с десятины, что при 6-пудовой копне дает 60 пудов сена с десятины покоса [13, с. 159]. Если взять в качестве усредненного значения укоса 75 пудов с десятины, то получается, что для обеспечения своего хозяйства на зиму 600 пудами сена крестьянин должен был скосить траву на 8 десятинах. Средняя производительность труда косца была 0,2–0,25 дес. в день, т.е. на сам сенокос требовалось бы 32–40 дней, в то время как сушка, возка и стогование заняли бы еще приблизительно 10 дней. Таким образом, получение необходимого количества сена требовало 8 десятин покоса и полутора месяцев работы косца. Однако в российском цикле сельскохозяйственных работ на сенокос шло не более месяца, что же касается площади покоса, то она могла быть различной.

Так, в Холмогорской округе урожайность сенокосов, находившихся там почти исключительно на заливных лугах, колебалась от 118,5 до 355 пудов с десятины, в среднем – 234,5 пудов (т.е. для заготовки необходимого количества сена требовалось 2,5 десятины покоса и 10–12 человеко-дней на косьбу + 10 дней на сушку, возку и стогование). Соответственно, в Холмогорской округе заготавливали сена в среднем по 538 пудов на хозяйство, в Архангельской – по 495 пудов, что достаточно близко к расчетным нормам. Здесь, в Архангельской губернии, и площадь сенокосных угодий почти вдвое превышала площадь пашни (в крестьянском хозяйстве нормальным считается отношение между десятиной пашни и десятиной покоса, выражающееся как 1:1,25). Примерно таким же или большим было это соотношение на малосвоенных территориях юго-востока страны, в Воронежской (1:1,3), Саратовской (1:2,6), Оренбургской (1:2) губерниях, однако на северо-западе и в центре, на издавна освоенных территориях Северо-Западной и Московской Руси (Новгородская, Псковская, Смоленская, Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская губернии), площадь сенокосов была в 4–8 раз меньше площади пашни. Соответственно, сенокосов не хватало. Да и урожайность их была низкой. Скажем, при выходе 50 пудов сена с десятины требовалось для нормального запаса на зиму скосить 12 десятин, а при урожае в 20 пудов – 30 десятин, потратив на это, соответственно, 70–160 человеко-дней, что было совершенно нереальным как по требуемой площади сенокоса, так и, особенно, по затратам труда и времени. Реально, видимо, крестьянин косил 4–4,5 десятины (при среднестатистическом наделе в 3,5 дес. на душу м.п.), тратя на это тот месяц, которым он реально и располагал, и получал в результате 300–350 пудов сена, что было примерно в два раза меньше елагин-

ской нормы. Соответственно, и скот, как мы уже видели, получал лишь половинный рацион (причем не только в крестьянском, но в значительной мере и в базировавшемся на нем владельческом хозяйстве) [2, с. 108; 5, с. 215–220, 233–235; 14, с. 70–71]. Только в малолюдной Сибири ситуация была несколько иной: сенокосов было много (в Томском уезде в 1703 г. на двор приходилось в среднем по 113 копен сена), соответственно и скота держали больше. Например, в Илимском крае в начале 20-х гг. на один двор приходилось в среднем по 5 лошадей и более 7 голов крупного рогатого скота (были дворы, имевшие и 10, и даже 20 лошадей) [10, с. 66–67]. Однако роль этого региона в сельскохозяйственном производстве страны была незначительной – такие условия были не правилом, а исключением.

Не лучше было положение и с концентрированными кормами, т.е. с зерном. Больше всего овса получали племенные жеребцы и кобылы дворцовых конезаводов: на лошадь там полагалось 1,5 четверти овса в месяц (четверть овса равняется 5,33 пудам, соответственно полторы четверти овса в месяц – это 4,3 кг в день; ровно столько же шло на лошадь и в конюшнях Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. Однако эта норма не выдерживалась, и реально лошади получали меньше (в 1763 г. – 4,2 кг). Это было меньше западноевропейских норм (в Англии и Франции в конце XVIII в. рабочие лошади получали по 5,13–5,8 кг овса в день) и меньше идеальных российских норм (А.Т. Болотов называл цифру в 5,33 кг овса на рабочую лошадь), но в целом достаточно – по крайней мере, довольно близко к современным нормам. Но это было дворцовое хозяйство; в помещичьих же инструкциях 30–50-х гг. XVIII в. (П.М. Бестужева-Рюмина, Т. Текутьева, П.А. Румянцева) фигурировали иные цифры – 2,66 кг овса на рабочую и вдвое меньше на нерабочую лошадь в сутки (причем имелся в виду неевянный, «пушной» овес, который относится к чистому вейному овсу как 2:1).

И это было еще неплохо, так как у других помещиков овес давался животным вообще в виде исключения. Так, в «Генеральной инструкции» М.М. Щербатова указывалось, что на его конных заводах *«жеребцов должно чрез весь год содержать на сене, развиз которой гораздо исхудает, то таковых подкармливать овсом с сечкою», «при наступлении весны должно жеребцов за несколько недель пред случкою зачинать подкармливать овсом и давать им на жеребца не более как по полчетвертику в день», «кобыл во время зимы содержать на яровой соломе, стрясывая ее с сеном, развиз которая весьма исхудает, такой по рассмотрению не только сена, но и овса давывать».* Лучше следовало кормить только жеребых кобыл и лучших жеребят, да и то лишь до четвертого года: *«Жеребцам давать сена, осмотря естли которые очень худы, таких и овсом подкармливать».* *«Отборным жеребятам давать овса чрез целую зиму, по нижеследующему, а именно: третьячкам и стригунам по полчетверке на каждого, а селеткам по четверке на три жеребенка, а не отборным третьячкам и стригунам по четверти на три жеребенка, а селеткам на четыре. Но понеже часто случается, что за недостатком овса оное исполнено быть не может, и для сего, ежели чистого овса нет, то давать пушного ту же препорцию»; «Жеребят, достигших до четвертого году, кормить чрез всю зиму сеном, а*

разви которой уж весьма хороши, иль которой исхудает, тому особливо поддавать пушного овса».

Не лучше выглядит в этой инструкции и рацион крупного рогатого скота: «рогатую скотину должно содержать во время зимы на одной соломе. А токмо давать сена тогда, как поведется которая доить, иль которая занеможет, иль весьма исхудает». И только для своих английских овец князь делал исключение: «Англинския овцы такая скотина, которая нежнее русской обыкновенной, должна быть содержена з большим присмотром... И давать оным чрез всю зиму хорошего овса, а сначала весны иль которая оягнется – овса с солью» [15, с. 277–282]. В крестьянских хозяйствах ситуация была еще хуже: овсом кормили, вернее подкармливали, только рабочих лошадей, да и то изредка и в минимальном количестве. Кроме овса, использовалась овсяная мука; овес и овсяную муку иногда давали телятам и ягнятам, а лошадям, в свою очередь, иногда давали ячмень по увеличенной, по сравнению с овсом, норме. Ячменем (запаренным) подкармливали и коров (холмогорских), ячменную муку подмешивали в корм свиньям; реже в ход шла ржаная мука, которую в основном использовали для присыпки.

Присыпали мукой солому – единственный вид корма, который имелся в наличии практически всегда. Соломы собирали больше, чем зерна: по данным начала XX в., если рожь давала 66 пудов зерна с десятины, то соломы выходило 101,7 пуд., по озимой пшенице эти показатели выглядели как, соответственно, 73,1 и 100,6 пуд., по яровой – 57,3 и 77,7 пуд., по овсу – 65,4 и 87,5 пуд., по ячменю – 68,4 и 84,3 пуд. [16, с. 182]. Солома и прочий гуменный корм – мякина, охвостье и пр. – были основой кормовой базы российского животноводства вплоть до второй половины XIX в., когда еще не было ни травосеяния, ни пригодных для кормления скота корнеплодов. Соломой и мякиной кормили все виды скота в хозяйствах всех типов и уровней – от крестьянского до дворцового, кроме птицы, на кормление которой, впрочем, обращали мало внимания. Курам посыпали отруби, охвостье и др. отходы от молотыбы и размола зерна; только при откорме птицы на убой, иногда практиковавшемся во владельческих хозяйствах, составлялись довольно сложные рационы, включавшие овес, гречу, пареную рожь с гороховой мукой, пшеничные отруби, моченый солод, рубленую морковь и даже яйца с крапивой. Поэтому урожай всегда оценивали по двум категориям – не только по «умолоту» (сколько получено зерна), но и по «ужину» (сколько получено соломы). Солома была весьма важной частью урожая – даже в помещичьих инструкциях содержались соответствующие указания. Так, в инструкции князя М.М. Щербатова 1758 г. недвусмысленно приказывалось: «Прикащику, целовальнику и старосте, иметь великое смотрение, что б... жали бы как возможно ниско» [15, с. 274]. Интересно, что в некоторых древневосточных цивилизациях и в античности солому собирали далеко не всегда. Часто срезали лишь колосья, иногда с частью стебля, а оставшуюся на корню солому либо поедал выгоняемый на поле скот, либо сжигали; много позже таким же образом поступали в Англии и США [7, с. 172–173; 17, с. 264]. В континентальной Европе солому тоже собирали и кормили ею скот, правда, в меньших масштабах: скот здесь большую часть года содержался на пастбище, зим-

него запаса корма требовалось меньше, и в рационе основное место занимали сено, зерно и корнеплоды. Для кормления скота использовали яровую солому (солома озимой ржи и пшеницы отличается низкой питательностью). Лучшей соломой является овсяная, несколько хуже (ячменная и просяная, наконец, хуже всего для питания животных подходит солома яровой ржи и пшеницы (в ржаной соломе содержится меньше белка и жира, зато слишком много клетчатки). Кроме того, животные охотнее поедают сыромолотную солому, нежели «копченую», получающуюся в результате сушки снопов в овинах. Мякина питательней соломы, в ней больше белка и жира и меньше клетчатки; лучшую мякину дают безостые хлеба – овес, просо, безостый ячмень, несколько хуже по составу ржаная и пшеничная мякина. Но в целом и мякина, и солома – это низкокалорийный, лишенный витаминов корм пониженной питательности. Гуменный корм использовался только потому, что не хватало сена и зерна.

Однако выбирать не приходилось, поэтому солома (и другой гуменный корм) составляла существенную часть кормовых рационов даже в дворцовом хозяйстве. Так, солома систематически употреблялась для кормления лошадей, например, в 1763 г. на содержание одной головы было израсходовано 180 пудов сена, 56 пудов овса и 24 пуда соломы. В неурожайные годы, например в 1737, 1744 гг., не хватало и соломы – дворцовые лошади получали только половинный соломенный рацион. В ход шла не только овсяная солома, которую животные поедают без предварительной обработки, но и солома других зерновых, которую мелко рубили или резали, обваривали кипятком и присыпали ржаной, ячменной или овсяной мукой («сечка») или смешивали с овсом. Суточный рацион одной почтмейстерской лошади в полевой почте петровского времени состоял из 2 гарнцев овса (3,1 кг), 16 фунтов сена (6,6 кг), 2 гарнцев сечки и 1 снопа соломы. В помещичьих, тем более в крестьянских, хозяйствах солому всех видов – сечку, мякину, обваренную кипятком, запаренную, смешанную с зерном или присыпанную мукой – употребляли повсеместно.

Для примера: по описи одного из имений сенатора В.А. Апухтина, в сарае около помещичьего скотного двора лежало определенное количество «оржаного и ярового ухоботья смешено с мякиною на корм скоту»; по описи имения Л.И. Шишкова, в одной житнице лежала «мякина, да ухоботья лошадиная» [18, с. 188, 237]. Еще в XVI в. Домострой давал рекомендации по кормлению животных в городских условиях: «Кто про себя коровы держит, доинье, лето корм на поле а дома всякого корму много у добрые порядки, и лето, и зиме, гуца пивная и бражная, и киселная, и квасная, и кислых штей и отрубеи овсяных и высевки оржаные и пшенишные и ячньные, и заспу делачи и толокно и в осень капусту солят и свеклу ставят и репу и морков запасают, и у всего того хряпье и листье и коренья и обресков, и крох и в скатерти и в столе и в веке в хлебном и по полицам, и по чуланом и по залавкам крохи и остатки и обьеди, и домовитая добрая государыня, или ключник доброй, все то обирает и по судом ставит, и тем животину лошади страдньные, и коровы и гуся и утки и свиньи, и куры, и собаки кормит... а у молода человека или у вдовы только запасу такого нет чем живота накормит, что в сеи главе писано, а коровка доиная

есть или в деревни у молода человека не одна есть ино кормит сена изрети да мукою посыпати овсяною или иная какая мякинька лучится, да кляпком облить или ельцем облить, да перед собою покормить» [19, с. 114–115].

Гуменный корм составлял половину и больше от всего рациона; коров и свиней держали почти исключительно на соломе и мякине, и только лошадям и овцам перепадало сено. Причем в крестьянском хозяйстве даже соломы и мякины часто не хватало для того, чтобы довести кормление скота до елагинской нормы, поэтому животным скармливали квасную гущу, ячменный солод, барду, масляную избоину и другие пищевые отходы. Свиньям зимой иногда давали репу, овцам – древесную кору, на корм также шли специально заготавливаемые листья и ветки, весной же скот еще по снегу могли выгнать в лес «на веточки». О том, насколько серьезным было положение с кормами в российском животноводстве, дают некоторое представление зоотехнические советы и рассуждения В.Н. Татищева, который считал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом – ...через всю зиму и весну всякий скот довольствоваться сечкою, колосом, ухвостьем и ухоботьем, обваривая оные горячею водою, и пересыпать трубьями и мукою... а сена давать по малому числу». Самое интересное, что Татищев предлагает «зимую свиней кормить племенных лошадиным калом, осылая немного трубьями. И коров по нужде тем довольствоваться можно» [20, с. 535]. О том, чтобы кормить скот калом, можно было серьезно писать только в самой критической обстановке, но именно в такой обстановке традиционно находилось российское животноводство.

Впрочем, данные по помещичьим имениям первой четверти XVIII в. делают представленную картину более разнообразной. У сенатора В.А. Апухтина в 1715 г. в сельце Новом (Звенигородский уезд) стоялой лошади выдавалась осьмина (полчетверти) овса на месяц, на жеребенка шло полосьмины; при 6-пудовой четверти овса на взрослую лошадь в сутки шло 3,3 кг, на жеребенка – 1,65 кг. На свинью для подсыпки расходовалось по 5,2 кг ячменя в месяц, на одну голову птицы (куры, утки, гуси и даже павы) шло 1,97 кг овса. У него же в другом имении (Орловский уезд) на лошадь (в среднем вместе с жеребятами) шло в день 0,98 кг пушного овса, свиньям на пересыпку давалось 0,96 кг ржи, на птицу (утки, гуси, куры, индейки) шло 0,23 кг овса, а павлинам и павам давалось почти по 0,8 кг гречи или конопляного семени на голову. В третьем имении Апухтина (в Звенигородском уезде) на 15 лошадей «в зиму» шло 20 четвертей овса, а на 17 птиц (4 гуся, 6 утят, 7 «кур индейских») – 5 четвертей овса.

У князя Г.И. Волконского в его поместье с. Якшино (Московский уезд, 1715 г.): «Исходило на корм хлеба: 20-ти стоялым лошадям овса по осмине, ржаной муки на пересыпку сечки по четверику, цуковым и дворовым лошадям неведеной ржи и пушного овса по 2 ч-ка, итого по осмине; лебедям и журавлям, индейским куrom, гусям, уткам, поросяткам овса по полосмине и с четвертью четверика; свиньям на посыпку ржаной неведеной муки по чет-

верику». На стоялую лошадь, таким образом, в день шло 2,46 кг овса и 0,92 кг муки, на 18 цуговых и 30 полевых лошадей расходовалось в день по 0,56 кг неведеной ржи и 0,42 кг пушного овса. Сколько было в хозяйстве лебедей и журавлей, мы не знаем, гусей же имелось 48, кур – 28, уток – 40, поросят – 10, соответственно, на голову выходило примерно по 0,4 кг овса, и на свинью (их было 10) в день шло по 1,84 кг неведеной муки. В другом поместье Волконского, селе Покровском (Чернский уезд, 1715 г.), по словам приказчика и старосты, «хлеба птицам на месяц овса сходит по 4 ч-к. без полуосьмины, свиньям на пересыпку на месяц сходит по шти ч-к. и по 5-ти ч-ков, лошадям на месяц сходит по 7-ми ч-к. овса». Птицы было 30 кур, 10 гусей, 4 индейки и 13 уток, соответственно, на голову в день выходило по 0,2 кг; свиней было 33, на голову в день шло 0,66 кг; лошадей с жеребятами было то ли 35, то ли 42, на голову в день шло, соответственно, 0,65 или 0,55 кг овса. Еще один интересный источник – приходно-расходная книга села Большой Клин имения кн. М.П. Гагарина (1721 г., Тульский уезд): исходя из средних данных за 6 месяцев 1721 г., на лошадь в день здесь выдавалось по 1,3 кг овса, на свинью в день «всякого хлеба молотого» и ржи по 0,39 кг, а на голову птицы – по 0,09 кг такого же «всякого хлеба» и овса [18, с. 99, 194–195, 240–243, 275–276, 336–341, 347–348].

Как бы то ни было, очевидно, что при хронически дефицитной кормовой базе традиционное скотоводство в России не только имело экстенсивный характер, но и не являлось самостоятельным видом крестьянского хозяйства, выступая в качестве вспомогательной отрасли земледелия. Это касается и использования рабочего скота, и содержания животных ради получения навоза («навозное скотоводство»), без которого невозможно было существование парового трехполья. Последнее же в свою очередь сдерживало развитие животноводства: недостаток кормовых ресурсов ограничивал поголовье скота, соответственно, земля получала недостаточно удобрений и быстро теряла естественное плодородие – «выпахивалась». Дерново-подзолистые почвы теряли естественное плодородие уже после двух-трех лет возделывания, степные черноземы сохраняли его 6–8, иногда и до 10 лет, но не более. Так, когда в конце XVI в. стали впервые распахивать черноземы, то в Тульском уезде урожайность ржи доходила первое время до сам-13, а в Орловском – до сам-17, но очень скоро она упала до сам-4 и ниже [21, с. 87; 22, с. 73]. Поэтому через десяток-другой лет старая выпахавшаяся земля забрасывалась, а в сельскохозяйственный оборот включались новые земельные массивы, прежде всего пастбища, а затем и луга, сокращение площади которых не позволяло увеличивать поголовье скота, который, находясь по полгода на стойловом содержании, нуждался в большом запасе сена. Это приводило к нехватке навоза, а нехватка навоза вела к еще более быстрому истощению плодородия пашни и еще более значительной запашке лугов. Это был замкнутый круг, из которого русский земледelec никак не мог вырваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гуревич, И.Я. Кормление сельскохозяйственных животных [Текст] / И.Я. Гуревич. – М.-Л. : Сельхозгиз, 1957. – 286 с.
2. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 522 с.
3. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. – М. : Наука, 1981. – 274 с.
4. Восточнославянский этнографический сборник. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 806 с.
5. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 574 с.
6. Гиббинс, Г. Промышленная история Англии [Текст] / Г. Гиббинс. – СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1898. – 229 с.
7. Роджерс, Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век [Текст] / Т. Роджерс. – СПб. : Издатель, 1899. – 496 с.
8. Экман, Е.К. Технология ветеринарных лекарственных форм [Текст] / Е.К. Экман. – Л. : КУБУЧ, 1927. – 390 с.
9. Справочник. Кормовые нормы и таблицы. – М. : Сельхозгиз, 1959. – 336 с.
10. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск : Наука, 1982. – 504 с.
11. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. V. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 499 с.
12. Кочин, Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства [Текст] / Г.Е. Кочин. – М.-Л. : Наука, 1960. – 469 с.
13. Тихомиров, М.Н. Соборное уложение 1649 года [Текст] / М.Н. Тихомиров, П.П. Елифанов. – М. : МГУ, 1961. – 629 с.
14. Дулов, А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века) [Текст] / А.В. Дулов. – М. : Наука, 1983. – 256 с.
15. Плаксин, В.Н. Становление и развитие сельскохозяйственного образования и научной агрономии в России (XVIII – первая половина XIX вв.) [Текст] / В.Н. Плаксин. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжн. изд-во, 2001. – 307 с.
16. Струмилин, С.Г. Очерки экономической истории России [Текст] / С.Г. Струмилин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 518 с.
17. Семенов, С.А. Происхождение земледелия [Текст] / С.А. Семенов. – М. : Наука, 1974. – 320 с.
18. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 418 с. – С. 188, 237.
19. Домострой. – СПб. : Наука, 1994. – 399 с.
20. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. I. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 639 с.
21. Вербин, А.А. Очерки по развитию отечественной агрономии [Текст] / А.А. Вербин. – М. : Сов. наука, 1958. – 262 с.
22. Очерки русской культуры XVI века. – Ч. 1. – М. : МГУ, 1977. – 288 с.